

хода в свет⁴⁰. И в этом случае они отобрали и поместили в подборке весьма важное «свидетельство» современника о Максиме Греке, которое таковым признается исследователями и сегодня.

Каждый из включенных в сборник Е. 383 текстов оказывается очень ценным «свидетельством» о жизни Максима Грека или о его личности. Старообрядцы собрали этот материал уже в начале XVIII в. Разумеется, они проделали огромную работу по выявлению и отбору соответствующих текстов, преследуя цель утвердить авторитет Максима Грека, но им удалось составить подборку «свидетельств» о жизни и личности афонца, которая отличается особой полнотой. Мы обратили внимание только на несколько случаев включения старообрядцами текстов, но они позволяют увидеть, насколько точны были составители сборника Е. 383 в определении их важности для создания образа Максима Грека. Заслуга А. Т. Шашкова заключается в том, что он не только ввел в научный оборот этот сборник, но и показал его ценность.

О. Д. Журавель
Новосибирск

«Походим умныма очима...» (к изучению традиции поминовения в литературе старообрядчества)

Воспоминание об усопшем – неотъемлемая часть русской духовной культуры, нашедшая выражение в обрядовой практике. Наиболее полное литературное воплощение традиция поминовения получила в творчестве старообрядцев Выга, создавших большое количество надгробных слов¹. Этот барочный по происхождению

⁴⁰ См.: *Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелиста Матфея*. М., 1664 (7172). Описание издания см.: *Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках : сводный кат.* М., 1958. С. 94, № 309.

¹ См.: *Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература*. М., 2002. Т. 1. С. 357–407. Публикацию обширной подборки надгробных слов см.: *Ее же. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития* : в 2 т. М., 2008.

жанр был ими своеобразно воспринят – риторические модели облекались «живой тканью»², корректировались под воздействием других жанров, испытывали влияние архаичной топики причитаний или же самобытного таланта автора, развивавшего литературный канон³.

К числу таких произведений, выходящих за рамки предписанной риториками структуры, относится Слово надгробное Петру Прокопьеву Андрея Денисова⁴. Созданное в 1719 г. на 40-й день после кончины первого выговского епископа⁵, оно послужило образцом для последователей Андрея Денисова, писавших позднее в этом жанре, а также оказало влияние на формирование исторического повествования выговцев⁶, основанного на идее преемственности благочестия. Однако сам этот памятник остается непревзойденным произведением словесной культуры, в совершенной художественной форме отразившим целый спектр проблем философско-этического характера. Среди них – проблема времени и вечности, понимание памяти как соприсутствия, как одоления преграды между миром земным и миром горним.

Как справедливо отметила Е. М. Юхименко, структура надгробного слова, находящаяся в прямой зависимости от панегирика,

² См.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь ... С. 361.

³ Как многие сочинения, созданные писателями Выга, надгробные слова имеют ораторскую природу, представляя собой разновидность *oratio* (о месте *oratio* в древнерусской прозе см., например: Пиккио Р. Повесть и Слово. Заметки о соотношении повествования и проповеди в книжной традиции Древней Руси // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 492–503). Элементы повествования включаются в семантическую структуру более высокого уровня религиозной проповеди, который задан библейскими тематическими ключами. Именно как жанровую разновидность проповеди рассматривал надгробные слова Е. Барсов. См.: Барсов Е. Андрей Денисов Вторушин как выгорецкий проповедник. (Материалы для истории русского раскола) // Тр. Киев. Духов. акад. 1867. № 2. С. 250–251.

⁴ См. новейшую публикацию: Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. Т. 1. С. 42–62. Далее текст Слова цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

⁵ См.: Там же. С. 478.

⁶ См.: Гурьянова Н. С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996. С. 117–118, 173–175; Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь ... С. 396–407.

предполагала наличие 5 частей: предисловия, предложения, повествования, утверждения и эпилога⁷. Эти части присутствуют в Слове Андрея Денисова, но общая схема оказывается усложненной.

Предисловие, развивающее «фему» – «Кто есть человекъ, – возглашающе пророку, – иже поживеть и не узреть смерти?» (Ис. 88 : 49), – является лейтмотивной⁸ заставкой. В ней представлены темы смерти, скорби, жалости, плача, определяющие эмоциональную тональность сочинения.

Предложение, в соответствии с указаниями риторик, изъясняет цели, преследуемые автором. Ему представляется неправильным «такового слову красителя без слова гробу отдати, и якоже в земли тѣло, сице в молчании жизнь его *скутати*» (с. 42) (здесь и далее курсив наш. – О. Ж.). Слово, подобно савану или земле, должно «скутать», спеленать его жизнь. В другом месте текста произведение о Петре представлено как некая самостоятельная сила, понуждающая автора писать о нем: «Нас же *понуждает* слово к концу усердныя жизни его приити» (с. 53)⁹. Произнося надгробное слово, автор будто «воскрешает прошлое», управляет временем, вызывая образ живо-го Петра: «...но да мы *словом изображена его, яко жива зряще*¹⁰, утешаемся» (с. 43). Такое отношение к художественному произведению на первый взгляд напоминает создание иллюзии реальнос-

⁷ Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь ... С. 360–361.

⁸ Наличие сквозных мотивов, развивающих проблематику, является одной из особенностей барочной поэтики, ориентированной на риторические образцы «извития словес». Этим принципом художественного построения текста в совершенстве владел Андрей Денисов.

⁹ Сходным образом объясняла в середине XX в. свой труд над «Поэмой без героя» Анна Ахматова: поэма сама оказывалась героиней, не дающей покоя поэту и заставляющей вновь и вновь обращаться к ее написанию.

¹⁰ Это обращение к усопшему как к живому найдет продолжение в ряде памятников. Так, в Слове на 40-й день по преставлении Мануила Петрова Даниил Матвеев пишет: «При сем к тебѣ обращаем Слово, о велеумный господине... Не яко к мертву, но яко к живу ти сущу бесѣдуем и яко одушевлену разглагольствовати мнимся» (цит. по: Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. Т. 1. С. 97). В этом сочинении отражена и тема «умного зрения» как способа контакта, а затем, по окончании его, происходит прошение: «Прочее препочивай, любезне, дондеже возбудительная труба возгласить...» (Там же. С. 98).

ти в ранней русской драматургии¹¹. Однако сравнению с первыми пьесами русского театра препятствует материал, живая подлинность тематической основы надгробного слова. Петр Прокопьев – не условный художественный образ, и рассказ о нем не рассчитан на игру воображения¹². Автор действительно пытается снять границу между прошлым и настоящим временем, перемещая в настоящее то, что минуло. Но он задействует, скорее, традиционные пути, известные в богослужбной и проповеднической практике.

В том же предложении, обращаясь к слушателям, соучастникам обряда поминовения, автор призывает видеть Петра Прокопьева «*душевными очима*». «Убо... понеже любовными вашими пламы скорбите и желаете достойнаго желанию сего мужа *зрѣти* же и *бесѣдовати* с нимъ; приидите *нынѣ*, отрем слезы от очию нашею и жалость от сердца нашего, и с повѣстію сею *походимъ* с нимъ *умными очима*...» (с. 43). Обращаясь к «умному взору», Андрей Денисов апеллирует к индивидуально-личностному восприятию события, заставляя вспомнить об исихастских традициях, имевших значение для выговских староверов. Важно и то, что в Слове, как в праздничной проповеди, связанной с христианским календарем, подчеркивается настоящее время¹³ – «приидите ныне».

¹¹ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 284–291. В качестве примера в рассуждениях А. М. Панченко о новой концепции истории и времени в барочную эпоху приведена показательная цитата из «Артаксерксова действа»:

Что же есть дивно,

Яко Артаксеркс, аще и мертв, повелению твоему последует?

Твое убо державное слово того нам жива представляет... (курсив наш. – О. Ж.) (Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 52).

¹² Вместе с тем некоторое типологическое сходство между надгробными словами и первыми пьесами имеется: оно касается аспекта функционирования. Как отмечалось, на первых порах театр был в некоторой степени заменой церковного обряда. Так, пьеса Симеона Полоцкого «О Навходоносоре царе» выполняла роль замены для упраздненного чина пещного действа (см.: Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. С. 52–54). Надгробные слова также были включены в похоронную и поминальную обрядность. Однако «замены веры культурой», о которой применительно к театру писал А. М. Панченко, в старообрядчестве, разумеется, не происходило.

¹³ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 270–278. «Христианские праздники – это не только память о событиях... События вновь и вновь совершаются ежегодно в одно и то же время» (Там же. С. 271).

Повествуя о Петре Прокопьеве, о его родословных корнях и одновременно об истории согласия, Андрей Денисов выстраивает особую систему художественного времени. Событиям жизни усопшего сообщается статус вечности. Для этого используется несколько приемов. Так, в рассказе о Петре почти исключительно употребляются грамматические глагольные формы, связанные в древнерусской традиции с выражением идеи непреходящего, вечного¹⁴. Это прежде всего аорист: «потаися», «скрыся», «умолча», «зайде», «скончася», «каяся», «поревнова», «возусердствова», «отбеже» (покоев телесных), «отскочи» (красоты славы сластей) и т. д. Кроме того, используются и формы настоящего времени – действия, совершившиеся Петром при жизни, изображены как происходящие на глазах у «зрящих» его «душевными очима»: «сподобляется великих даров дара», «просвещает душу благодатию» (с. 56).

Вспоминая о Петре, Андрей Денисов активно использует важное для православно-христианской временной системы понятие «поновления». Через церковные праздники, через причастие Святых Тайн человек «обновляется», прикасаясь к вечности. «Если рассматривать “обновление” как движение, то это движение не только вперед, но и вспять, постоянная оглядка на идеал, который находится в вечности и в прошлом, это попытка приблизиться к идеалу»¹⁵. Слова, отражающие разные варианты понятия «поновление» («обновление»), образуют один из главных лейтмотивов Слова надгробного Петру Прокопьеву. В сочетании с ними употребляется и ключевое для данного памятника слово «память»: «...да невѣдущи вѣдѣнием, вѣдущи же *памятованиемъ обновятъ* своя слуха» (с. 47–48). Таким образом, само воспоминание о Петре трактуется как приобщение к вечному. Наряду с «приснопоминаемым» Петром поминаются и все причастные к созданию выговской обители – и о них память «поновляется». Осознавая необходимость восхвалять труды Петра (в 4-й части Слова, в «утверждении»), автор использует те же понятия: «...аще и должно трудами его *память* намъ *поновляти*, да, незабвенно имѣюще толика его... подвиги, долгъ люб-

¹⁴ См.: Матхаузерова С. Функция времени в древнерусских жанрах // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 227–235.

¹⁵ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. С. 49.

ви помяновением души его любовно отдати возусердствуемъ...» (с. 53)¹⁶.

Отмечаются поступки Петра, имеющие также знаковое значение в плане приобщения его к вечности. Так, сообщается о том, что перед концом жизни на Страстную седмицу Петр «покаянием поновися» у своего духовного отца¹⁷.

Смерть Петра показана на фоне приближающегося праздника Пасхи, торжества жизни вечной. Несмотря на то, что Петр преставился в понедельник Фоминой недели, второй по Пасхе¹⁸ (что само по себе не могло пройти мимо внимания писателя, поскольку это день ожидания Радоницы – «обновления день»), рассказ выстраивается как описание постепенного приготовления к смерти, повествование заторможено и «наложено» на другую временную линию – на событийную основу «пасхального» сюжета. Основные моменты приготовления к кончине соотнесены с богослужением последних дней Страстной седмицы и с праздником Воскресения Христа. Искусно используя прием параллелизма, автор готовит слушателей к кульминационному пункту Слова, к описанию смерти, трактуемой как торжественный вход в жизнь вечную¹⁹.

«Въ вечеръ же Великия сея суботы пѣвѣшимъ намъ канонъ на боготѣлесное Спаса Христа погребение... на немъ же ирмось девя-

¹⁶ Далее писатель использует прием олицетворения: понимая невозможность выразить словом всю значимость деятельности Петра Прокопьева, он «препоручает» «труды его возвѣщати» нивам и горам, дебрям и болотам, где он трудился, рубил лес и добывал пропитание для братства, и даже прошедшим временам («Возглаголють мимошедшая времена усердное его в таковы нужды и труды»), торжествам, книгам и т. д.

¹⁷ Как отметил А. М. Панченко, в XVII в. «Чин причащения» в Требниках назывался иногда «Чином поновления» (см.: *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. С. 49).

¹⁸ См.: *Юхименко Е. М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. Т. 1. С. 488.

¹⁹ Укрупнение эпизода смерти и подготовки к ней, выраженное в растянутости этого повествовательного звена и соответственно в субъективном сдвиге художественного времени, напоминает об обратной перспективе в иконе, где центральный фрагмент композиции обусловлен его смысловой значимостью (см., например: *Трубецкой Е. Н.* Умозрение в красках // *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. М., 2000. С. 338–370; *Флоренский П. А.* Обратная перспектива // *Труды по знаковым системам.* Тарту, 1967. Сб. 3. С. 381–416).

тыя пѣсни к преблагословеннѣй Божии Матери утѣшителень от лица страждущаго Сына ея и Божия и Бога поется: “Не рыдай мене, Мати”, той ирмос пропѣвъ рабъ Божий со многимъ умилениемъ и слезами и поклонъ до земли вкупѣ с нами... сотвори» (с. 56–57). Именно в тот момент, по признанию самого Петра, «знамение смертнаго позвания, аки от Царицы небесныя посланное, ощути в себѣ» (с. 57). В текст включаются и фрагменты из песнопений крестного хода на Пасху («Воскресение Твое, Христе Спасе, аггели поют на небесѣх...»), возгласы, славящие великий праздник («Христос воскрес» и «Воистинну воскрес Христос»), что придает подготовке к смерти ликующий, торжественный настрой, утверждая идею победы над смертью. И именно на фоне этих сакральных цитат сообщается, что Петр, целуясь со всеми, «аки в путь далечайшии к вѣчному воскресению отити спѣшашеся» (с. 57)²⁰.

Андрей Денисов использовал богатые смысловые возможности совмещения двух сюжетных линий, поскольку пасхальный фон менял временную организацию всего эпизода. По словам И. Мейендорфа, «на поверхности вещей предпасхальные и пасхальные дни можно рассматривать как “воспоминание” прошлых событий... Однако литургическая структура этих дней отнюдь не так проста: она отображает и прошлое, и будущее, и вечное»²¹. Смерть Христа, событие, происшедшее во времени, является также и надвременной, вечной победой, философия времени, раскрывающаяся в богослужебном обряде, выражает их вечный смысл, сопрягая прошлое и будущее.

Необходимо отметить, что тема смерти Петра подготовлена постепенно развиваемой в сочинении идеей его святости. Не случайно автор неоднократно вводит в текст мотив, относящийся к топике житий преподобных. Как отмечено Т. Р. Руди, при описании преставления святого употреблялись традиционные формулы, обозначающие контраст физического и духовного состояния: «телом начат изнемогати, иже душою крепкий», «аще и телом отхожу

²⁰ Последние слова – парафраз прокимена 2-го гласа из Чина погребения.

²¹ Мейендорф И. О литургическом восприятии пространства и времени // Свидетель Истины: памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа / сост. А. В. Левитский. Екатеринбург, 2003. С. 119.

от вас, но духом присно буду с вами»²². Так и Петр Прокопьев, согласно Слову, уже задолго до ухода из жизни «изнеможе тѣлесными уды, но душевною ревностию паче распалися» (с. 54). Эта тема формирует один из лейтмотивов сочинения: «изнемогая телесными уды, обаче мужествова душею своею» (с. 57); «зѣло занемоществова тѣлесно, душею же лѣпотствуя» (с. 57). Акцентируя приобщение к святости усопшего, автор использует и корневые повторы (прием, актуальный в стилистике барокко): «Просвѣщает душу свою священо священною Христовою благодатию» (с. 56). Этот же риторический прием позволяет зримо представить просветленный образ Петра, возвысившегося над тленной плотью и устремленного в надмирные выси: «По скончании же утренняго краснаго словословія утрудився тѣлесне, красуяся душею и свѣтлѣя лицом, и тако от церковнаго пѣнія церковный краситель в красный и свѣтозарный в царский день к Царю Небесному к вѣчному воскресению позванъ, конечно изыде» (с. 57).

Исследователями отмечалось, что в памятник включено «слово» самого Петра Прокопьева, что сообщает ему диалогическую структуру. Установлено, что этот монолог не соответствует текстуально сохранившимся духовным завещаниям Петра²³. Безусловно, Слово является сочинением самого Андрея Денисова, переложившего основные темы собственноручных грамот готовившегося к смерти епископа. Принципиальная возможность диалогизации произведения обусловлена обрядовой основой надгробного слова, связью с богослужебными текстами: слова от имени усопшего произносятся в Чине панихиды (стихиры 2-го и 6-го гласа)²⁴. В дальнейшем этот прием войдет в традицию выговских надгробных слов²⁵.

²² Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 499.

²³ См.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь ... С. 373; Ее же. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. Т. 1. С. 488–489.

²⁴ См.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь ... С. 367–372.

²⁵ См., например: Слово надгробное Ивану Филиппову Мануила Петрова в кн.: Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. Т. 1. С. 93; Слово надгробное Андрею Борису Тимофея Андреева (Там же. С. 233–234); Слово надгробное Семену Титову (Там же. С. 248) и др.

«Здрави будите, – глаголя, – здрави, любезнии отцы» (с. 58), – как живой обращается к поминающим Петр Прокопьев. Этот монолог имеет необычайно важное значение для утверждения идеи одоления смерти. И он, и те, кто пока оставались в живых, сходятся в какой-то момент на одной временной линии, в условном настоящем времени. Причем, с учетом тенденции памятника к разрушению идеи смерти, это настоящее также меняло свой статус, приближаясь к вечности.

Идея преодоления времени усиливается в сочинении эсхатологическим контекстом²⁶: «...сице раб Божии по седминѣ настоящаго вѣка к всесвѣтлей будущаго вѣка осминѣ отходить» (с. 58). Этот широко распространенный мотив сочинений о конце света является здесь не единственным. На фоне апокалиптической топики выстраивается сама история Выговской пустыни. У ее истоков – «пременение» света на тьму²⁷: «Егда бо грѣх ради наших Никономъ патриархом премѣна... уставовъ учинися и свѣтлое свѣтлѣйших святых отец чиносодержание отлагашеся... И тма тяжка гонителна покры тогда Росию...» (с. 43–44). Аллюзивно используются образы Откровения св. Иоанна Богослова. Вспоминая о самых трудных временах Выга, Андрей Денисов пишет, что тогда «от самыя преисподния геены волны сия на корабль благовѣрія гремѣша и гремять и от самыхъ челостей чернаго змия бурливыя воды сия на церковное благочестие восклокташа» (с. 52; ср.: Откр. 12 : 3, 12 : 15).

В ряде своих сочинений Андрей Денисов обращался к жителям Выгореции, называя их гражданами «вышняго Иерусалима» (см., например, с. 356). Залогом спасения представляется уже само по себе пребывание в Выговской пустыни, на восприятие которой постепенно оказывало влияние представление о Святой земле как сакральном центре, наиболее приближенном к Небу. Те, кто нахо-

²⁶ Об эсхатологических взглядах Андрея Денисова см., например: Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 22–24; *Ее же*. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007. С. 205 и след.

²⁷ Мотив, хорошо известный по духовным стихам об антихристе. Ср. «Стих об озлоблении кафоликов» («По грехом нашим на нашу страну...»), «О Никоне», «О временах антихристовых».

дится еще в лоне Церкви земной, связаны с перешедшими в Царствие Небесное и готовятся к грядущей встрече. В «слове», включенном в памятник, сам Петр Прокопьев подчеркивает эту идею связи живых и преставившихся членов выговского общежительства, с нетерпением ожидая будущего соединения всей духовной «семьи»²⁸. «О, аще бы умилосердился всесладокий наш Владыка и даль бы нам мѣста свѣтла в прекрасныхъ кровѣхъ своих и совокупилъ с вами в вышнѣмъ прекраснѣмъ Иерусалимѣ; о, да даль бы с вами вѣчнѣ намъ возрадоватися, вѣчнѣ в вѣчности небеснѣй возвеселитися, о, колико бы тогда возрадовалися, колико бы возликовствовали... иже на земли в воюющей церкви, единодушно Его свѣта, в Троице славимаго Бога славословихомъ, да дасть намъ и в небеснѣй ликующей церкви благодарно и утѣшительно славити его во вся вѣки» (с. 60). В самом конце надгробного слова, в молитвенном эпилоге, эхом повторяется уже автором смысл слов Петра: «Отсюда, отци пустыннии и любезное братство, с поминаниемъ провожайте – тамо, отшедшее спасшееся братство, любовно принимайте; отсюда, любезнии сродници и други, с моленми и слезы отпустивше, помяновениемъ сердобольствуйте – тамо... радостно в радость прияти Владыку умоляйте. Всеи же вкупѣ тако в небеснѣй, яко в земнѣй церкви, славяще, прославим Христа Сына Божия» (с. 61–62). И здесь литературный прием параллелизма помогает выразить идею связи живых и умерших членов киновии.

Слово надгробное Петру Прокопьеву Андрея Денисова – замечательный памятник русской духовной литературы. В нем утверждается идея победы бессмертия и вечности над временем и смертью. Оно стоит у истоков богатой старообрядческой традиции, отразившись не только во множестве надгробных слов, но и в позднейших историко-агиографических сочинениях, уделявших самое

²⁸ В XX веке эта идея обретет продуктивность (подробнее см.: Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. Т. 1) в историко-агиографическом цикле часовенных – Урало-Сибирском патерике (см., например: *Журавель О. Д.* К изучению жанрового состава современной старообрядческой литературы: видения потустороннего мира в составе Урало-Сибирского патерика // Книга и литература в культурном контексте : сб. науч. тр., посвящ. 35-летию начала археограф. работы в Сибири (1965–2000 гг.). Новосибирск, 2003. С. 465–466).

пристальное внимание и выдающимся деятелям, и обычным людям, чья жизнь вписывалась в общую историю согласия и не была предана забвению²⁹.

Н. Д. Зольникова
Новосибирск

Проблема межконфессионального заимствования идей и текстов: книжники разных согласий старообрядчества (XVIII–XIX вв.)*

Нам уже приходилось писать о заимствованиях корпуса идей и текстов писателями одного согласия староверов XX в. у писателей другого; в частности, подробно изучался характер переработки В. А. Ласкиным, старейшиной наставников уральских часовенных, главного сочинения белокрыницкого епископа Антония (Поромова)¹. Предлагаемая к рассмотрению цепочка подобных влияний, усвоения чужих построений вместе с включающими их частями сочинений других авторов протянулась между поморским согласием, беглопоповцами XVIII в. и белокрыницким (австрийским) согласием XIX в.

В 1872/73 г. (7381) из печати на церковно-славянском языке выходит анонимное «Собрание изъ разныхъ книгъ святоотеческаго писания о сложении персть на крестное знамение», посвященное резкой полемике с официальной церковью. Составитель сборника принадлежал к новому направлению старообрядчества – белокрыницкому (австрийскому) согласию, бурно растущему в остром проти-

²⁹ См.: *Журавель О. Д.* Повествования агиографического типа в поздней старообрядческой традиции (на материале Урало-Сибирского патерика) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 204–228.

* Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект № 08-01-00274а).

¹ См.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002. С. 226–279.